

Ты обещал, что сделаешь изображение сына,
 Но ты приносишь чужеземного мальчика,
 Напялив на него морду собаки так, что мне больно подумать,
 Как это мой Зопирион родился от Гекубы?
 Так я, Эрасистрат, торговец мясом, купил наконец
 За шесть драхм Анубиса — сына из святилищ Исиды [у жрецов Исиды]

Несколько слов о толковании эпиграммы в прошлом.

Еще на рубеже XVIII — XIX вв. Фр. Якобс, составитель первого, хорошо комментированного издания греческой антологии (Лейциг, 1794 — 1814), извлек эту эпиграмму из рукописи и следующим образом восстановил первую утраченную строку ее:

[Τεχνίον εὐμορφόν, Διόδωρε, γράφειν ἐκέλευσζ]

[Filiolum formosum, Diodore, pingēre te iussi],

т. е. «Я велел, чтобы ты, Дниодор, нарисовал красивого сынишку». Сам Якобс полагает, что эпиграмма — всего лишь жалоба торговца мясом Эрасистрата на художника, который так нарисовал (слову γράφειν оригинала соответствует латинское pingēre) его сына Зопириона, что получились Анубис, а не Зопирион¹. В связи с этим дается и заголовок эпиграммы «Εἰς ζωγράφου» («На художников»), который, как увидим ниже, отводит сатиру Луккиана в сторону от ее прямого объекта — Анубиса.

Прилагательное ἀλλότριον (асс.) во второй строке эпиграммы звучит в латинском переводе как alienus «чужой». Анубис, по словам Якобса, взят им из святилищ Исиды (ex Isidis sacellis), где повсюду видны изображения этого бога.

Почему же эпиграмма связывает Зопириона именно с Анубисом? Якобс не объясняет этого, так как считает эпиграмму сатирой на художников. Антирелигиозная направленность эпиграммы XI, 212 осталась им незамеченной.

Издатели Палатинской антологии Дюбнер и Куны, приводя эту же эпиграмму и перевод ее, также показали себя сторонниками интерпретации Якобса².

Известный исследователь Луккиана Диндорф в своем издании произведений писателя³ дает (в латинском переводе) несколько иную реконструкцию первой, утраченной строки эпиграммы:

Pollicitus fili te facturum simulacrum,

т. е. «Ты обещал, что сделаешь изображение сына» — обращение скорее к скульптору, чем к живописцу. Глагол facio, взятый здесь вместо pingo Якобса, прямо указывает на скульптора. Прилагательное ἀλλότριον из второй строки эпиграммы в латинском переводе звучит как alienigenum «чужой», скорее в смысле «чужеземный», что вполне возможно для эпохи II в. н. э., эпохи распространения в странах греко-римского мира различных чужеземных, в частности египетских, религиозных культов.

В последней строке эпиграммы слова ἐκ τῶν Ἱσιδίων⁴ переданы по латыни ex Isidiis, причем последнее слово — с большой буквы, как и в оригинале. Они могут быть переведены: «Из храма Исиды» или «От жрецов Исиды».

Однако и Диндорф умалчивает об антирелигиозной направленности эпиграммы. Между тем эпиграмма XI, 212 представляет собой прямую сатиру на египетского бога

¹ «Epigrammatum Anthologia Palatina», ed. Dübner et Cougny, t. II, P., 1888, стр. 378 (в примечаниях).

² См. там же.

³ «Luciani Samosatensis opera», P., 1884 (в одном томе).

⁴ Рукописное чтение Ἱσιδίων представляет, вероятно, стяженную форму от Ἱσιδίων. Τὰ Ἱσιδία или τὰ Ἱσιδία — храм или праздник Исиды.

Анубиса. Это вполне возможно еще и потому, что эпиграмма — не единственное произведение Луккиана, где Анубис изображен сатирически. В диалоге «Продажа жизней»¹ Сократ клянется собакой, а на вопрос удивленного покупателя отвечает: «Что ты! Ты не веришь, что собака — бог? А ты разве не видишь, в каком почете Анубис в Египте?» В «Зевсе трагическом»² Анубис и другие языческие боги, по мнению Луккиана, представляют ценность только потому, что сделаны целиком из золота. Еще одно свидетельство религиозного скептицизма Луккиана по отношению к тому же Анубису имеется в произведении «Разговоры в царстве мертвых» (№ 13, Диоген и Александр)³. И, наконец, в «Собрании богов» писатель, устами Мома, так характеризует Анубиса: «Ты же, египтянин, с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — кто ты таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом?»⁴. Попутно достается и Апису и другим чудовищным египетским богам.

«Заставить улыбнуться над богом Аписом, — говорил Герцен⁵, — значит расстричь его из священного сана в простые быки». Луккиан в эпigramме сделал то же с Анубисом. Насмешливым отношением к изображению мальчика, сына Эрасистрата, в виде Анубиса (такое изображение должно было означать, что умерший сын Эрасистрата находится под покровительством этого бога) Луккиан еще раз развенчивает Анубиса, а одновременно затрагивает и Изиду, с культом которой был тесно связан культ Анубиса, и Гекубу. Чрезвычайно показательно в эпigramме смешение мифологических представлений о Гекубе⁶ и ее превращении в собаку с пережитками тотемистических представлений египетской религии.

Итак, несомненно, что Луккиан, великий сатирик и атеист, выступил здесь прежде всего против культа Анубиса и других восточных божеств. Обращение к художнику, которое мы можем признать как вероятное, поскольку первая строка эпigramмы не сохранилась, — лишь повод для прямой антирелигиозной сатиры, вполне закономерной для писателя, который высмеивал «поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа»⁷.

Ю. Ф. Шульц

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОГО ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ГОРОДА

(Некрополь киликийского города Корика)

Историками поздней Римской империи твердо установлен тот факт, что по своей экономике восточная половина империи (впоследствии — Восточная Римская империя и Византия) стояла значительно выше, нежели западные ее провинции. В сельском хозяйстве восточных областей римского государства это превосходство выражалось

¹ Луккиан, Собр. соч., М., 1935, т. I, стр. 382 сл.

² Там же, т. I, стр. 473 сл.

³ Там же, стр. 606.

⁴ Там же, стр. 501.

⁵ А. И. Герцен, Полное собр. соч. и писем, 1919, т. IX, стр. 119.

⁶ См. о Гекубе: Еврипид, Гекуба; Плавт, Менехмы, 714; Овидий, Метаморфозы, XIII, 667—670. Луккиан о Гекубе см.: «Сновидение, или петух», 517; «О жертвоприношениях», 2.

⁷ Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 610.

в большей продуктивности земледелия и в многообразии разводимых здесь сельскохозяйственных культур. В городской жизни восточные — прежде всего азиатские и африканские — провинции отличались от подчиненных Риму стран Западной Европы высоким уровнем промышленности и торговли. Сохранность в восточных провинциях свободных непосредственных производителей, труд которых не был полностью вытеснен трудом рабов, обуславливала больший простор для развития производительных сил.

В советской исторической литературе, в работах ряда буржуазных исследователей накоплен большой материал, характеризующий экономику восточной части поздней Римской империи. Однако эти данные принадлежат преимущественно к области аграрных отношений. Город изучен гораздо слабее. В значительной мере это объясняется тем, что источники лишь в очень редких случаях позволяют с большей или меньшей ясностью представить внутреннюю жизнь города. Обычно достоянием историка восточноримского города являются, помимо нарративных памятников, государственные распоряжения и законодательные акты общего характера, либо разрозненные, случайно сохранившиеся надписи. По памятникам такого рода и им подобным трудно или вообще невозможно определить профессиональный состав городского населения, что имело бы немаловажное значение для понимания экономики позднеримского города. В этой связи представляют несомненный интерес надписи на могильных плитах и на саркофагах частично сохранившегося некрополя киликийского города Корика (Korykos).

Часть этих надписей была известна и опубликована в XIX в., полностью свод всех надгробных надписей издан И. Кейлем и А. Вильгельмом в 1931 г.¹ Особенностью корикских эпитафий является то, что наряду с именем покойного обычно указывался род его занятий, а в некоторых случаях даже и профессия его отца. Поскольку сохранилось всего около 580 надписей и большая их часть удобочитаема, мы имеем возможность до некоторой степени познакомиться с ремеслом и торговлей этого малоазийского города.

Время, к которому относятся погребения с соответствующими надписями, точно установить не удастся, ибо могильные эпитафии не датированы. Несомненно христианский характер кладбища и употребляемое в отдельных надписях летоисчисление по индиктам² дают основание относить эти погребения к позднеримскому периоду. Момзен, которому была известна лишь незначительная часть корикских эпитафий, полагает, что они восходят к V—VI столетиям³; издатели надписей приурочивают их к «ранневизантийскому времени» (МАМА, III, стр. 120). Город, повидимому, был разрушен арабами в начальный период их завоеваний и более не восстанавливался⁴.

Подобные же, но гораздо менее многочисленные и более скудные содержанием эпитафии, обнаруженные на церковном кладбище соседнего города — Корасия (Κοράσιον), издатели датироват IV—V, а отдельные — VI в. н. э. (МАМА, III, стр. 108).

Город Корик, расположенный на морском берегу недалеко от предгорий Тавра, входил в пределы так называемой Суровой Киликии (Κιλίκια Τραχέια), но вместе с тем был непосредственно связан с плодородной Равнинной Киликией (Κιλίκια πεδία). Хозяйство Равнинной Киликии в позднеримский период оставалось в цветущем состоянии. Здесь в изобилии произрастали многочисленные зерновые культуры, произ-

¹ Monumenta Asiae Minoris Antiqua, т. III. Denkmäler aus dem rauben Kilikien, изд. J. Keil und A. Wilhelm, Manchester, 1931. Далее это издание цитируется: МАМА, III. — Номера надписей приводятся в скобках в тексте.

² МАМА, III, № 429: 7-й индикт; № 442 (ср. № 268): 10-й индикт; № 443: 15-й индикт; № 660: 5-й индикт.

³ Th. Mommsen, Römische Geschichte, V, Berlin, 1885, стр. 334; Т. Моммзен, История Рима, V, М., 1949, стр. 304, примечание.

⁴ В настоящее время эта усеянная руинами местность все еще сохраняет искаженное древнее название города — Коркос. См. RE, XI², стр. 1452.

водились дорогие вина, на местном сырье развивалось производство полотна¹. Развитие скотоводства на пастбищах Малой Азии благоприятствовало производству шерсти. Города, расположенные на средиземноморском побережье, поддерживали торговые связи с Сирией, восточными частями Малой Азии, островами Эгейского архипелага.

На широкие связи Корика с другими странами и городами указывают и интересные нас надгробные надписи. Среди похороненных в корикском некрополе мы встречаем имена выходцев из различных областей империи. Здесь упомянуты уроженцы других киликийских городов: Селевкии (№ 262, 369, 457), Анемурриона (Ἀνεμούριον — приморский город, расположенный на крайнем юге Киликии, № 222), Диокесарии (в горной части Киликии, № 511, 735), Корасия (на юго-запад от Корика по берегу моря, № 432). Наряду с ними встречаются имена людей, переселившихся в Корику из Византии (Σέργιος Βυζάντιος, № 696), из морской гавани Круны в южной Мезии («Георгий, священник круниот», № 650; «льноторговец Сергей из Крун», № 706), из Никомедии в Вифинии (№ 263, 672), из Самарии в Палестине (№ 758) и др. Неоднократно упоминаются иудеи, погребения которых в Корике были расположены бок о бок с христианскими могилами («еврей Моисей, глава коллегии золотых дел мастеров», № 607, ср. №№ 295, 344 — «старшина изготовителей благовонных мазей»). Часто встречаются надписи, свидетельствующие о похороненных на корикском кладбище сирийцах, переселившихся в Киликию из различных областей (χωρίου) своей страны (χωρίου Καπερνάγαθου, № 248, χωρίου Ἰμμῶν, № 240, χωρίου Σορίου, № 500; ср. №№ 408, 436, 445, 478, 507, 733); среди сирийцев названы шерстодел из Антиохии (№ 455), льноторговец (№ 563), весовщик (№ 642), мелкие торговцы (№№ 443, 240). Относительно частые упоминания о выходцах из Сирии объясняются, повидимому, оживленными связями между этой страной и Киликией. Многие из переселенцев прочно обосновались в Корике, на что указывают надписи, из которых явствует, что и родители покойных тоже жили в этом городе; например, «Эдемон, сын ткача Фотия, египтянина» (№ 340). Население Корика, судя по сохранившимся надписям, было чрезвычайно неоднородно по своему этническому составу. Вероятно, именно потому, что среди жителей было очень много чужестранцев, в некоторых надписях встречаются указания на местное происхождение покойного — с целью подчеркнуть его «автохтонность» (например, «шерстодел Феодот, сын шерстодела Дионисия, корикийца», № 392, ср. №№ 262, 263).

Указание в эпитафии на родину похороненного человека как бы заменяло ссылку на его профессию в тех случаях, когда он происходил из города или области, славившихся тем или иным видом ремесла. Иногда указание относительно родины погребенного ремесленника играло роль свидетельства высокого качества производимой им продукции. Так, лаконичная надпись Θήκη Νικολάου καλιγάρου Βαβυλωνάριου — «Погребение Николая, вавилонского сапожника» (№ 616) рекомендует его как мастера по изготовлению изящной «вавилонской» обуви.

Завимствование некоторых латинских наименований ремесел свидетельствует о деловых сношениях с Италией, откуда эти названия были занесены римскими купцами. Так, наряду с распространенным греческим обозначением шерстодела — ερεουργός, в эпитафиях встречается латинский термин i (в греческой транскрипции) λανάριος (№№ 322, 392 дважды, 644)².

Оживленные торговые связи Корика, осуществлявшиеся, главным образом, морским путем, нашли свое косвенное отражение в изучаемых эпитафиях, в которых часто упоминаются профессии, связанные с морем. Среди похороненных в некрополе бога-

¹ А. Н. М. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937, стр. 192, 207; Т. Франк, *Rome and Italy of the Empire*, Baltimore, 1940, стр. 294.

² Ср. № 287 (и № 739): βεστιάριος, vestiarius, № 302: νομμοκλάριος, от лат. nummus, № 343 (и № 387): εἰσικιάριος, isiciarius, «колбасник» и др. См. Е. Нантон, *Lexique explicatif du recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*, «Byzantion» т. IV, 1929, стр. 132.

тых граждан Корики четыре раза встречаются судовладельцы (*ναυκλήροι*), причем один из них назван к тому же и виноторговцем: он, вероятно, специализировался на вывозе вина (№ 680: *ναυκλήρος καὶ οἶνεμπόρος*; ср. №№ 241, 342, 663). Еще чаще упоминается в надписях термин *ἡμενορόφος*, «пошивщик парусов» (№№ 293, 303, 537, 604, 633, 656; один из них является также священником, № 582). Дважды на могильных плитах понадеется обозначение кораблестроителя (*ναυπηγός*, №№ 502, 535). Один из этих мастеров, Конон, назван «одиночным судостроителем» (*Σωματοθήκη Κόνονος ναυπηγοῦ μονάζοντος*, № 535). Повидимому, он содержал верфь на своих личных средства и не входил в коллегию (о торгово-промышленных коллегиях Корики — ниже). Несколько раз на могильных плитах встречается термин *λιμενίτης*, обозначающий человека, связанного по роду своей деятельности с гаванью (№№ 367, 424, 433, 750, 770²). Обращают на себя внимание упоминания о сборщиках моллюсков, из которых добывался пурпур (*ἀσπραγαυλιωκονχυλεύς*, № 681, *κονχυλεύς*, №№ 309, 601 — отец и сын, 655). Тот факт, что среди нескольких сотен эпитафий мы находим лишь единичные, которые содержат упоминания о рыбаке (*ὄλιεύς*, № 521) и моряке (*ναύτης*, № 729), не может свидетельствовать о слабом развитии морского дела и рыболовства. Необходимо иметь в виду, что под могильными плитами, говоря уже о дорогостоящих роскошных саркофагах, покоились останки зажиточных горожан; погребения простого народа, бедняков, а равно и рабов сохраниться не могли. О наличии рыболовства свидетельствует также то, что среди многочисленных ремесленников, населявших Корику, в надгробных надписях упоминается плетельщик сетей (*σαχηεύς*, № 411).

До некоторой степени изучаемые надписи позволяют установить, что именно являлось предметом торговли Корики. В первую очередь здесь следует назвать вино. Выше уже был упомянут судовладелец-виноторговец. Обозначения «виноторговец» (*οἶνεμπόρος*) и «перевозчик вина» (*οἶνηγός, ὄνηγός*) обнаружены на пятнадцати надгробиях¹. Производившийся в Киликии мускат высоко ценился в античном мире, и виноторговля была весьма прибыльным занятием².

Другой важной статьёй вывоза были лен и полотняные ткани. В Корики существовала коллегия льноторговцев, о чем свидетельствует следующая надпись: *Θήκη διαφερούσα τῷ συστήματι τῶν λιμενητῶν λινοπωλῶν τῆς Κωρυκαιοτῶν* (№ 770)³. Из этой надписи явствует, что торговля льном производилась по морю, вследствие чего льноторговцы, объединенные в коллегия (τῷ συστήματι), названы «портовыми» (*λιμενηταί*). Помимо этого, в некрополе сохранилось девять надписей, сообщающих о похороненных льноторговцах, по всей вероятности, членов упомянутой корпорации (№№ 208, 400, 451, 458, 520, 563, 706, 720, 763).

С развитием торговли связано наличие в Корики таких профессий, как весовщики (*ζυγοστάται*, №№ 377, 642, 734), кладовщики (*ἀποθηκάριοι*, №№ 426, 431, 543, 715, 736)⁴, упаковщики (*σακκοποιοί*). Погребение упаковщика представляет собой богато украшенный саркофаг с надписью: *Σωματοθήκη Ἰωάννου σακκᾶ καὶ κεραμέος υἱοῦ Εὐθυμίου σακκᾶ* (№ 470). Как видим, этот наследственный упаковщик был к тому же еще и богатым горшечником, имевшим достаточно средств для того, чтобы соорудить себе саркофаг.

Поскольку на вывозе полотна и льна специализировалось значительное число лиц и существовала соответствующая коллегия торговцев, естественно ожидать, что и

¹ *Οἶνεμπόρος*, №№ 207, 282, 357, 363, 444, 467, 471, 552, 574, 652 (братья — *ὄνεμπόροι*), 680. *Οἶνηγός*: № 682. *ὄνηγός*: № 599. *ὄνηγός*: № 271, 709.

² А. Н. М. Jones, ук. соч., стр. 192. См. о коллегиях виноторговцев у M. San Nicolas: *Ägyptisches Vereinswesen zur Zeit der Ptolemäer und Römer*, München, т. I, 1913, стр. 75—76.

³ Ср. А. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I — III вв. М., 1949, стр. 102.

⁴ См. E. Hanton, ук. соч., стр. 60.

среди ремесленников можно обнаружить известное количество ткачей. Действительно, коринкские надгробные надписи неоднократно упоминают мастеров по изготовлению льняных тканей (*οθωναίκοι*); всего мы насчитали восемь имен¹.

Отраслью производства, в которой также было занято сравнительно много ремесленников, являлось шерстоткацкое дело. Близость отрогов Тавра, в горах которого местные жители пасли большие стада², создавала благоприятные условия для развития этого ремесла. Шерстоделы многократно упоминаются в коринкских эпитафиях под различными наименованиями. Чаще других встречается термин *έρρουργός* (*έρρεωργός*, №№ 275, 286, 323, 334, 435, 455). Наряду с ним употребляются *μακελλάριος* (№№ 388, 538) и латинское обозначение *λανάριος* (№№ 322, 392 — два лица, отец и сын, 644). Дважды упомянут гребенщик (чесальщик шерсти — *κτενάς*, сокращение от *κτενιστής*, №№ 327, 739). Упоминаются также валяльщик шерсти (*κυλιός*, № 230, *γάφευς*, № 361) и мойщик шерсти (*σαπουλάνα*, от *sapo* «мыло», № 224)³. В общей сложности по надписям удастся восстановить имена семнадцати ремесленников, деятельность которых была связана с обработкой шерсти. Наряду с мелкими ремесленниками, в Корике, повидимому, существовали и более крупные организации по производству шерстяных тканей. В пользу такого предположения говорит выражение *μακελαρίου λογαρίτης* (№ 280), которое приходится переводить как «учетчик (касир?) шерстоткацкой мастерской»⁴.

Весьма широко в надписях представлены гончары. Их насчитывается всего двадцать восемь. Термин *κεραμεύς* (горшечник) — наиболее распространенный из всех встречающихся в эпитафиях обозначений ремесленников⁵. Лишь изредка гончар поименован иначе: *οστρακάριος* (№ 718, от *οστρακον*) и *λακανοργός* (№ 367, от *λεκάνη* «блюдом») ⁶. И в данном случае, как и относительно шерстоткацкой промышленности, мы не без основания можем высказать предположение о существовании хотя бы в отдельных случаях несколько более крупных гончарных предприятий, нежели мастерские отдельных кустарей. Дело в том, что в надписях дважды упоминается «гончар-наиматель» (*κεραμεύς έργοδότης*, №№ 627, 678). Судя по этому гончарных мастерских наемный труд. Не имея никаких оснований переоценивать значение этого любопытного факта, мы вместе с тем хотели бы обратить на него внимание, поскольку отмеченное явление имело место не только в гончарном производстве. Дважды в надписях термин *έργοδότης* не связывается ни с каким определенным ремеслом (№№ 587, 686).

Значительное число горожан было занято обработкой металлов. Восемнадцать раз в надписях встречается упоминание о меднике (*χαλκεύς*, *χαλκωτοίπος*)⁷. Довольно широко представлены в надписях золотых дел мастера. Они обозначаются

¹ *οθωναίκοι*: №№ 340 (египтянин), 368, 473, 558, 562; *Λευυφραντάριος*: № 450; *ϋφραντάριος*: № 516; *ϋστοπίος*: № 693. См. Th. Reil, Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten, Lpz, 1913, стр. 119.

² См. M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Roman Empire, Oxf., 1926, стр. 239; A. H. M. Jones, ук. соч., стр. 192.

³ См. A. Stöckle, Spätromische und byzantinische Zünfte, Lpz, 1911, стр. 39 и МАМА, III, стр. 134.

⁴ МАМА, III, стр. 143. О коллегиях ткачей см. M. San Nicoló, ук. соч., стр. 102 сл.

⁵ №№ 220, 251, 276, 283, 284 (*τήν τέχνην κεραμεύς*), 326, 337, 346, 411, 412, 470, 491, 492, 512, 519, 627, 635, 640, 643, 678, 702, 705, 708, 726 (дважды, отец и сын), 737.

⁶ См. Th. Reil, ук. соч., стр. 44.

⁷ *χαλκεύς*, №№ 214 (дважды), 264, 317, 319, 367, 404, 476, 518, 524, 525, 632, 634, 658; *χαρκεύς*, № 329; *χαλκωτοίπος*, №№ 318, 483; *χαλκωτοίπος*, № 274. См. M. San Nicoló, ук. соч., стр. 84—85.

двумя терминами: ἀργύριος (№№ 254, 348, 413) и χρυσοχόος (№№ 336, 386, 394, 411, 423, 517 — εὐλαβέστατος χρυσοχόος). Но наряду с ними несколько раз встречается термин πρωταργύριος, «глава коллегии золотых дел мастеров» (№№ 335, 351, 428, 607)¹. Сличение имен этих последних дает основание предположить, что должность «протаурария» могла переходить из поколения в поколение: во всяком случае в № 351 речь идет о «протаурарии» Евтихе, а в № 335 — о «протаурарии» Гермофиле, сыне Евтиха; вряд ли это простое совпадение. На организацию золотых дел мастеров указывает, повидимому, и обозначение одного из них πρεσβύτερος χρυσοχόος «старший ювелир» (№ 336).

Наряду с мастерами, занятыми обработкой металлов, в надписях упомянуты ножовщики (μαχεράς, № 628, κοπίδης, № 573), слесарь (κλιδᾶς от κλειδοποιός, № 689), точильщики (κουδισάμιος, № 724, ἀκωνιτής, № 414).

Из других профессий наиболее распространенным, если об этом можно судить по надписям, было ремесло сапожников. Термин καλιγάριος встречается тринадцать раз². Выше уже упоминался сапожник из Вавилона, изготовлявший обувь особого качества. Помимо сапожников, в Корике проживали и другие мастера по обработке кожи и выделке кожаных изделий: один раз упоминается сыромятник (Βαρσεύς, № 323), на другой плите читаем о седельном мастере (ἰνιοράφος, № 741).

Довольно многочисленны и вышивальщики (πλουμάριοι)³. В несколько меньшем количестве упоминаются портные⁴, среди них — один пошивщик роскошных одежд из полотна и шелка (ράπτης ῥόβον, № 581)⁵. Не исключена возможность того, что здесь имеются в виду окрашенные в пурпур ткани; вспомним, что близ киликийского побережья производилась ловля моллюсков, содержавших пурпур.

Ряд эпитафий корикского некрополя свидетельствует о том, что здесь были погребены мастера, приготовлявшие и поставлявшие продукты питания: пекаря (ἄρτοκόποι, №№ 223, 273, 321, 508, 615, 732, πλακουτάριος, № 697, σιλιγάριοι, № 700, 727⁶, κρεσσανάριος, №№ 421, 422⁷), кондитеры (παστιλλάριοι, №№ 495, 636, 754), повара (μάγκιψ, № 292, μάγκιψ, №№ 409, 736, μάγκιψ, №№ 242, 415), мясник (κρεοπώλος, т.е. κρεοπώλος, № 506), колбасники (εἰσικιάριοι, №№ 343, 387)⁸, зеленщик (λαχανοπώλης, № 494), продавцы прохладительных напитков и закусок (σαπρομωπάριοι, № 760, προπουματῆς, № 698), торговцы фруктами (ῥωποροπώλης, № 359), фиштанками (κάπιλος πιπτακάριος, № 495), оливками (ἐλεσοπώλης, №№ 245, 350, 468, 768).

В большом числе упоминаются в эпитафиях держатели харчевен и постоянных дворов (θερμοπώλης, № 719, ταβερνάριος, № 311, πάνδοξ, №№ 459, 576, 602, 674, 704), мелкие торговцы — κάπηλοι (κάπιλοι) встречаются в надписях почти двадцать раз⁹. Понадается и другое обозначение мелочного торговца — παντοπωλῆς (№№ 249, 443).

¹ Н. S. Jones, A Greek-English Lexicon, т. II, стр. 1544; MAMA, I, стр. 281.

² №№ 235, 237, 382, 399, 482, 550, 616, 625, 639, 661, 662, 671, 682.

³ №№ 285, 364, 391, 403, 429, 441, 496, 523 (μοναχός πλουμάριος), 665, 685. Всего десять человек. Относительно термина πλουμάριος см. Th. Reil, ук. соч., стр. 106.

⁴ Ἀγναφάριος: №№ 252, 622; ῥάπτης: №№ 554, 581.

⁵ MAMA, III, стр. 184; E. Hanton, ук. соч., стр. 71.

⁶ Th. Reil, ук. соч., стр. 153.

⁷ MAMA, III, стр. 162.

⁸ См. M. San Nicoló, ук. соч., стр. 125; Th. Reil, ук. соч., стр. 160.

⁹ №№ 209, 234, 240, 279, 296, 307, 396, 439, 456, 474, 490, 509, 560, 599, 603, 653, 677, 738.

Широко представлена в надписях Корики категория менял (τραπεζίται). По имеющимся надгробиям их насчитывается десять человек¹. Деятельность менял не ограничивалась пределами Корики и Киликии, недаром в их числе мы обнаруживаем сирийцев (№№ 376, 500). Масштабы их деятельности диктовали необходимость создания особой организации менял. Наряду с упоминанием «старшего менялы» (τραπεζίτης πρεσβύτερος, № 676) мы встречаем на надгробиях надпись, свидетельствующую о существовании в Корики коллегии менял: «Τοῦ συστήματος τῶν εὐγεγεστάτων τραπεζιτῶν» (№ 771). Наличие в Корики большого числа менял, организованных в особую коллегию, наличие коллегий торговцев, специализировавшихся на вывозе льна и полотна и на вывозе вина, а также другие приведенные данные, свидетельствующие о довольно оживленной торговле, дают основание предполагать, что Киликия не переживала в позднеримский период того глубокого хозяйственного упадка, который охватил значительную часть империи и привел к сокращению и разложению товарного производства и к возврату к натурально-хозяйственным условиям.

В период, к которому относятся погребения, город, повидимому, продолжал строиться. На это указывают надписи на могильных камнях, сообщающие о таких профессиях, как архитектор (ἀρχιτέκτων, № 522, οἰκοδόμος, №№ 486, 548, 724)², камнетес (λατόμος, № 356, λατόπος, № 251), мастер по мрамору (μαρμαράριος)³, плотник (τέκτων, №№ 365, 543), скульптор (λινοξός, №№ 457, 463, 701), резчик по дереву (γλύπτης, γλύπτρης, №№ 338, 454).

Помимо перечисленных профессий, надписями засвидетельствованы: два мастера по изготовлению гемм (καβιδάριοι, № 226, 289), чтец (ἀναγνώστης, № 246⁴), четыре арфиста (ψάλτοι, №№ 373, 451, 472, πρωτοψάλτης, № 649), шесть врачей и повитух (ιατρός, ιατρίνη, №№ 269, 292, 409, 528, 617, 737), пять могильщиков (κοπιάται, №№ 260, 294, 441, 664, 677 — κοπιάτης κάπιλος), брадобрей (κουρεύς, № 233), ковровщик (ταπινός, № 527), токарь (λεπτοουργός, № 596), ламповщик (λυχνάτης, № 437), стеклодув (υλιάριος, № 591), два стекольщика (οιτράριος, от лат. vitrarius, №№ 549, 598), четыре продавца благовонных масел (μυρεψός, №№ 289, 344, 448, σταγματοπόλης, № 307), поставщик калийных удобрений (σπονδομιτροποίος, № 546), торговец отрубями (? ἀχοροπόρος, № 487), два лесоруба (ξύλικάριος, № 731, ύλοξιδής, № 338), мельник (? πριστίνης, № 667), два изготовителя панниуса (χαρτυφάντης, №№ 310, 361), четыре содержателя частных бань (πριβατάριος, №№ 259, 332, 557, 585), некий мастер, «строющий машины» (? — μηχανοδέτης, № 7.2)⁵, один «ремесленник» (τεχνίτης, № 299), профессия которого не уточнена, и одиннадцать садовников (κηπεργοί)⁶.

Ознакомление с надписями на саркофагах кладбища города Корасия, расположенного неподалеку от Корики, по существу, ничего не прибавляет к собранному нами материалу; данные по этому городу слишком немногочисленны и фрагментарны⁷.

В общей сложности из числа всех изученных надписей (без малого 600) приблизительно 60% содержат ссылку на ремесленную или торговую профессию погребенного. Что касается остальных надписей, то они либо умалчивают о роде занятий покойного, либо относятся к погребениям священников, монахов, а также государственных чиновников и членов городского управления. Если при этом учесть, что во многих случаях вместо профессии указывалась родина покойного (см. выше), то к числу торговцев в

¹ Τραπεζίτης: №№ 227, 228, 268, 328, 376, 469, 500, 676; ² Αργυροπράτης: № 255; Νομμοκλάριος: № 302. См. E. Hanton, ук. соч., стр. 132 — 133.

² Ср. E. Hanton, op. cit., «Byzantion», IV, стр. 63, 108.

³ №№ 273 (μαρμαράριος και ἀρτοκόπος), 554, 683, 721 (отец и сын).

⁴ Ср. E. Hanton, ук. соч., «Byzantion», IV, стр. 63.

⁵ Ср. у M. San Nicoló, ук. соч., стр. 126.

⁶ №№ 321, 348 (κηπεργός ἀυράριος), 513, 543 (=544), 586, 637, 662, 669, 687, 714, 730.

⁷ См. МАМА, III, стр. 108—116.

ремесленников можно будет отнести не менее двух третей всех лиц, останки которых были погребены на кладбище Корика и погребения которых сохранились.

Рассмотренного нами эпиграфического материала, разумеется, совершенно недостаточно для того, чтобы делать, основываясь на нем, какие-либо широкие выводы. Тем не менее анализ приведенных данных позволяет отметить некоторые существенные моменты. Мы считаем себя вправе утверждать, что в позднеримский период (более точно установить время, к которому относятся погребения, мы не имеем возможности) город Корик, как, по всей вероятности, и другие города Киликии, представлял собой центр ремесла и торговли. Главным занятием основной массы его населения было производство различных ремесленных изделий. Отмеченные выше довольно широкие связи этого киликийского города с другими городами и странами были возможны лишь при наличии известного уровня производства в самом Корике. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть ввиду того, что современные буржуазные историки Римской империи рассматривают город не как социально-экономическую категорию, а лишь в качестве чисто «политического института», развитие которого сводилось, по их представлениям, к изменению его отношения к государству¹, вследствие чего экономическая основа городской жизни почти совершенно выпадает из их поля зрения.

Имеющиеся в нашем распоряжении фрагментарные сведения все же дают возможность установить связь, существовавшую между ремесленным производством и торговлей Корика. Так, развитию ткацкой кустарной промышленности соответствовала относительно широко поставленная и организованная торговля полотняными тканями, о чем свидетельствуют упоминания о коллегии портовых льноторговцев (№ 770). Следовательно, торговля, которую вел Корик с другими областями и городами, находила в его хозяйстве свою производственную основу и не была транзитной.

В Корике существовало большое количество самых различных ремесел, основными из которых были ткачество, гончарное дело, обработка металлов. В некоторых случаях мастера обладали предприятиями, в которых, возможно, в какой-то мере эксплуатировалась и наемная рабочая сила. В ряде отраслей производства ремесленники были организованы в корпорации, возглавляемые старшинами². Однако главенствующей формой промышленности было мелкое ремесло, носившее характер простого товарного производства. Показательно, что среди примерно двухсот пятидесяти ремесленников, которых мы можем считать по сохранившимся надписям, ни в одной специальности не набирается более тридцати человек (максимальная цифра — 28 у гончаров), а представители основных ремесел составляют в эпитафиях группы в десять-пятнадцать, редко — двадцать человек. Перед нами — весьма дробная и сложная картина распределения ремесленников между разными отраслями производства, которая, судя по своему характеру наших источников, повидимому, в основном соответствовала действительному положению дел. При этом следует учесть, что погребения относятся не к короткому отрезку времени, а, повидимому, к длительному периоду; и тем не менее ремесленников одной специальности относительно немного. Подобная многочисленность различных профессий, в каждой из которых было занято незначительное по сравнению с общей массой населения количество ремесленников, свидетельствует, по нашему мнению, именно о мелком характере производства. Ряд отраслей производства города Корика, повидимому, был рассчитан, в первую очередь, на удовлетворение местных потребностей. Если бы здесь на самом деле господствовало развитое «денежное хозяйство»³, связанное с расширенным воспроизводством, то налицо было бы обратное явление, а именно — наличие сравнительно небольшого круга профессий, каждой из которых охвачена масса непосредственных производителей.

Насколько мелким было производство в Корике, можно судить еще и по тому, что

¹ См. A. N. M. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, стр. XII сл.

² Об употреблении термина *πρεσβύτερος* в значении «старшина коллегии» см. Th. Reil, *ук. соч.*, стр. 177 сл.

³ См. G. Mickwitz, *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr.*, Helsingfors, 1932, стр. 190—191 сл.

в ряде случаев одно и то же лицо занималось двумя профессиями, не имевшими между собой ничего общего. Повидимому, более узкая специализация экономически себя не оправдывала. Так, мы читаем в надписях о ваяльщике шерсти, занимавшемся вместе с тем изготовлением папируса (№ 361), об упаковщике — гончаре (№ 470), о мастере по мрамору, являвшемся также хлебопеком (№ 273), о золотых дел мастере, который одновременно был садоводом (№ 348 b). В связи с этим следует упомянуть также духовных лиц (священников, монахов), из которых многие занимались ремеслами, вряд ли имея возможность уделять им все свое время (см. №№ 582, 523 и др.).

Столь же мелкий характер носила в известной мере и торговля. Если, с одной стороны, часть занятых в ней лиц объединялась в коллегию льноторговцев, если отдельные виноторговцы имели собственные корабли (см. № 680) и, вероятно, производили коммерческие операции большого масштаба, то большинство торговцев были мелкими; не случайно по надписям насчитывается до двадцати человек, которые вели торговлю по мелочам и обозначались термином *ἀπληροσ*. Для некоторых торговля была вообще подсобным занятием. Таков могильщик, который, кроме того, торговал (№ 677). Здесь также обращает на себя внимание многочисленность терминов, которыми обозначались разного рода торговцы. Среди них названы продавцы прохладительных напитков, закусок и выпивки, фисташек, фруктов, зелени, есть даже особый торговец отрубями и поставщик калийных удобрений.

Подробное положение дел в торговле и ремесле города Корика дает основание для утверждения, что его население было весьма неоднородным в имущественном отношении. Надгробные надписи позволяют предположить, что мелким ремесленникам и торговцам противостояли крупные предприниматели, обладавшие немалыми средствами, накопленными в результате широкой торговой и промышленной деятельности. Вместе с тем необходимо признать, что характер погребений исключает для нас знакомство с положением и составом низших слоев населения киликийского города. Равным образом мы не располагаем в данном случае какими-либо данными относительно рабов.

Таким образом, нам удается лишь до некоторой степени вскрыть по корикским надписям характер экономики города Восточной Римской империи V—VI вв. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод, что Корик представлял собой центр ремесла и торговли, основывавшихся на простом товарном производстве.

А. Я. Гуревич

К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНЫХ ПАТРОЦИНИЯХ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Для изучения сложной проблемы генезиса феодального способа производства в поздней Римской империи большой интерес представляет исследование характерных для этого периода новых явлений в развитии аграрных отношений. Одной из важных особенностей социально-экономического развития IV—V вв. является широкое распространение в этот период на территории империи аграрных патроциниев.

О значительности той роли, которую играл институт патроциния в жизни общества поздней империи, говорит большое внимание, уделявшееся ему императорским правительством. Во второй половине IV и в течение всего V в. императоры в своих указах неоднократно возвращаются к патроциниям. В кодексе Феодосия, составление которого относится к 30-м годам V столетия, была внесена специальная глава «De patrociniis vicorum».

Вопрос о патроциниях неоднократно ставился в работах советских историков. В. С. Сергеев и Н. А. Машкин видели в них одну из важных форм развития феодаль-